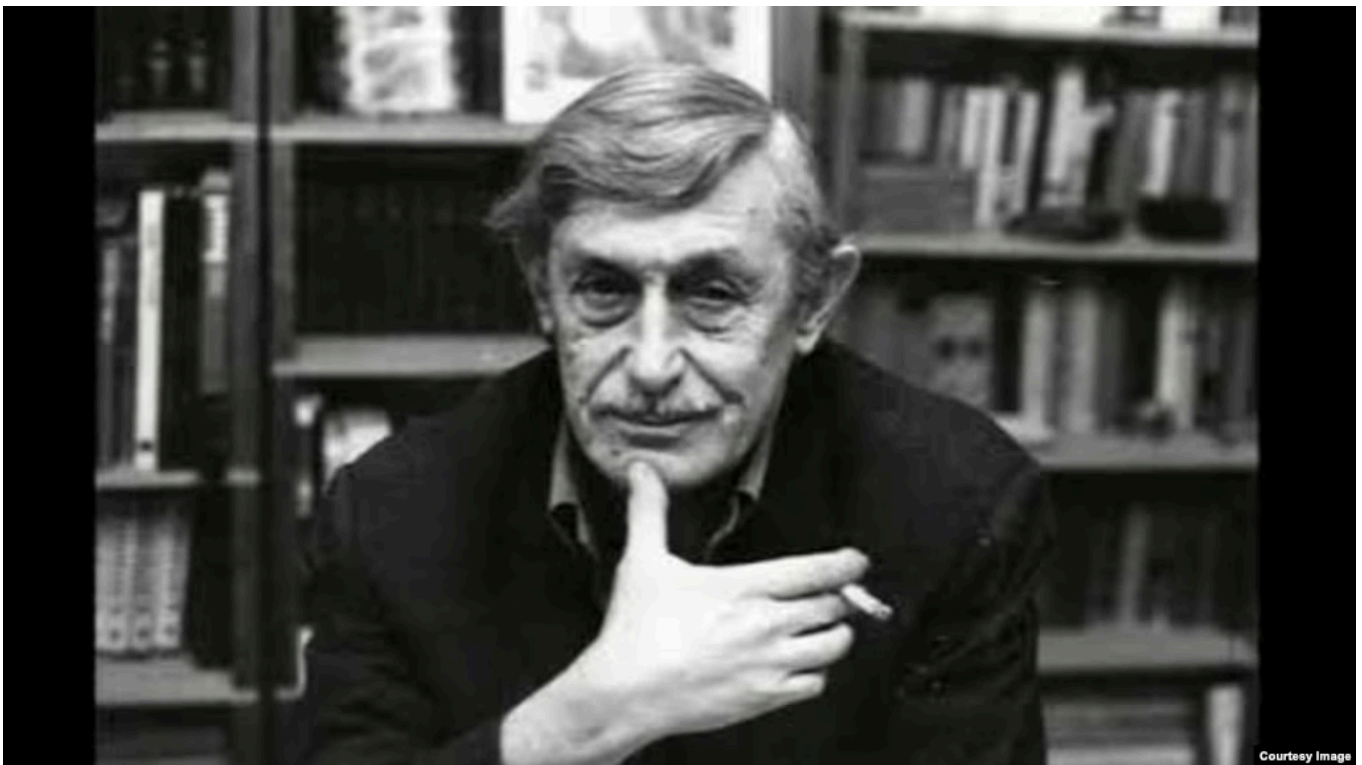

ИСТОРИЯ.СЕВЕР

"К войне нельзя привыкнуть". Фронтовая правда Виктора Некрасова

Север. Реалии

4 часа(-ов) назад

Виктор Некрасов

17 июня исполняется 115 лет со дня рождения писателя, фронтовика, диссидента Виктора Некрасова. Его самая знаменитая повесть "В окопах Сталинграда" положила начало так называемой "лейтенантской прозе" – книгам о войне, которые писали фронтовики, знавшие истинную цену победы.

"Мы хороним товарищей над самой Волгой. Простые гробы из сосновых необструганных досок... Темнеют три ямы. Просто как-то это все здесь, на фронте. Был вчера – сегодня нет. А завтра, может, и тебя не будет. И так же глухо будет падать земля на крышку твоего гроба. А может, и гроба не будет, а занесет тебя снегом и будешь лежать, уткнувшись лицом в землю, пока война не кончится. Три маленьких рыженьких холмика вырастают над Волгой. Три серые ушанки. Три

колышка. Салют – сухая, мелкая дробь автомата. Точно эхо гудят дальнбойки за Волгой. Минута молчания. Саперы собирают лопаты, подправляют могилы. И это все. Мы уходим. Ни одному из них не было больше двадцати четырех лет...". Из повести Виктора Некрасова "В окопах Сталинграда".

"Аристократ по природе своей"

Некрасов как будто прожил сразу несколько очень разных биографий: фронтовик, автор "лейтенантской прозы", защитник памяти Бабьего Яра, диссидент, эмигрант.

Виктор Некрасов

Он родился 17 июня 1911 года в Киеве. В 1936-м окончил архитектурный факультет Киевского строительного института, а в 1937 – театральную студию при Киевском театре русской драмы. Играл в Театре Красной армии Северо-Кавказского военного округа. Несмотря на бронь, пошел на фронт, стал сапером. Воевал под Харьковом, под Сталинградом, оборонял [Мамаев курган](#). В начале 1945 года после второго ранения был демобилизован. И всего лишь через год после окончания войны а 1946 году в журнале "Знамя" была опубликована его пронзительная правда о войне – повесть "В окопах Сталинграда".

– Эта лишенная пафоса и героизации войны книга не была запрещена и даже получила в 1947 году Сталинскую премию потому, что заложенные в ней идеи неожиданно пришлись по душе Сталину, – считает писатель **Дмитрий Быков**. – В повести сказано: мы пережили чудовищное поражение первых лет войны, никакой другой народ этого бы не вынес. И именно тут заложена мысль, которая, считал Сталин, оправдывала все отступления и поражения начала войны: мы победили вопреки всему, потому что большевики создали новую человеческую породу, сверхлюдей. Поэтому вождь мог простить Некрасову самые казалось бы опасные эпизоды книги, в которых, например, солдаты низвергают командира, напрасно погнавшего солдат в атаку и погубившего большинство из них. Для Сталина это тоже было доказательством особых свойств русского народа, о чем он говорил в своем знаменитом тосте.

"Я пью за здоровье русского народа не только потому, что он – руководящий народ, но и потому, что у него имеется здравый смысл, общеполитический здравый смысл, ясный ум, стойкий характер и терпение.... Иной народ мог бы

сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего правительства, и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества – над фашизмом". Из [выступления](#) на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 года. И. В. Сталин.

Битва за Сталинград. Архивное фото

Быков полагает, что отношение к Некрасову Сталина отчасти сравнимо с его отношением к Булгакову.

– Сталин любил офицерство, поэтому ввёл золотые погоны, смотрел "Дни Турбиных". А Некрасов по природе своей аристократ, офицер – белая кость. Но со временем аристократизм Некрасова становился не только невостребованным, но и опасным. Точно так же русское офицерство нужно было в 1812 году, а в 1817 нужен был Аракчеев, и эту поросль блистательных победителей стали загонять в стойло. Ведь аристократия нужна на роковых переломах истории, а во время рутины она

мешает. Некрасов после "Окопов" лет 10 ничего не писал. А когда наступила оттепель, он написал два ключевых текста о возвращении сидевших: гениальную повесть "В родном городе" и "Киру Георгиевну". Там герой – муж Киры Георгиевны, который вынес лагерь и сумел не потерять себя. Для этого нужно быть глубоко несоветским человеком, о чем эта вещь и рассказывает, – говорит Быков.

Виктор Некрасов

Несоветским человеком был на самом деле и сам Некрасов. И чем дальше, тем больше с советской властью он расходился.

|"Только евреи были убиты за то, что они – евреи..."

В 1959 году в "Литературной газете" была опубликована его статья "Почему это не сделано?", в которой Некрасов требовал установить памятник на месте массовых расстрелов евреев в Бабьем яру.

Власти пытались замалчивать тему Холокоста и изображать события Бабьем яру как "трагедию всех советских людей". Некрасов с этим согласиться не мог. "Здесь расстреляны люди разных национальностей, но только евреи были убиты за то, что они – евреи...", – говорил Некрасов.

– Он не мог не защищать память евреев, расстрелянных в Бабьем Яре. Это же киевская трагедия. Виктор Платонович был органический киевский человек, прекрасно знавший город, – говорит Дмитрий Быков. – Для него попытка забыть Бабий Яр – это самое большое оскорбление по отношению к памяти об этой войне.

Он знал, что никому больше, никакому другому народу не грозило тотальное истребление.

Скорее всего, свою роль в особом отношении Некрасова к трагедии Бабьего яра сыграло и то, что его мать Зинаида Николаевна (врач, выпускница Лозанского университета), с которой у него были очень близкие отношения, все годы оккупации оставалась в Киеве. И могла многое рассказать сыну о происходившем в городе.

Бабий Яр. Архивное фото

"Три дня их уничтожали – 29 сентября, 30 сентября и 1 октября 1941 года. Говорят, что в эти три дня было расстреляно 70 тысяч человек... Из них только один человек спасся – актриса Киевского театра кукол Дина Мироновна Проничева, мать двоих детей. Единственный человек на весь мир, который мог и рассказал о том, что же происходило в этом глубоком овраге на окраине Киева в те страшные три дня...

Когда я ...пытался заикнуться о памятнике на месте расстрела ...на меня смотрели, как на полоумного: "Какой памятник? Кому? Памятник ставят героям. А здесь –

люди добровольно пошли, как кролики в пасть удава... " И тут же был отдан приказ – Бабий Яр замыть. " **Виктор Некрасов. "Бабий Яр, 45 лет"**.

Виктор Некрасов

В конце 40-х – начале 50-х годов власти приняли решение ликвидировать Бабий Яр.

В овраг начали закачивать жидкие отходы кирпичных заводов – смесь воды, песка и глины, так называемую пульпу.

Планировалось постепенно заполнить овраг, выровнять территорию и использовать её под городскую застройку. Закачка продолжалась около десяти лет. Место массовых убийств буквально исчезало под слоями грунта.

13 марта 1961 года дамба, удерживавшая огромные массы пульпы, прорвалась. На Куреневку – жилой район Киева внизу оврага – обрушился поток грязи и воды высотой в несколько метров. Были уничтожены дома и

предприятия. По официальным данным, погибло 145 человек, однако в реальности было около 2000 жертв.

Очевидцы рассказывали, что в грязевом потоке попадались человеческие останки жертв массовых убийств 1941 года.

В сентябре 1966 года Некрасов выступил на стихийном митинге в Бабьем яру. Тогда в связи с 25-й годовщиной расстрела евреев здесь собрались родные жертв. Некрасов говорил о том, что такие события нельзя забывать, а отсутствие памятника в таком месте является позором для Киева и для страны. *"Участников этого якобы "сионистского сборища" стали прорабатывать, вызывать на партбюро. В том числе и меня..."* – вспоминал позже Некрасов.

| "Нормальный ветеран – это тот, кто всё одобряет"

В 1966 году Некрасов подписывает письмо 25 деятелей культуры и науки Генеральному секретарю ЦК КПСС Брежневу против реабилитации Сталина. Такое власть ему простить не могла совсем.

– Нормальный ветеран – это тот, кто всё одобряет. А недовольный ветеран – это опасно, за ним стоит опыт войны, он как бы легитимизирует диссидентство: инакомыслящий ветеран опасен вдвойне. – объясняет логику советских властей

Дмитрий Быков. – [Георгий Гулия](#) вспоминает, как он однажды купался с ним в Днепре – на нём живого места не было, сплошные шрамы от осколков. Конечно, такого человека следовало не за диссидентство травить, а на коленях перед ним стоять. Но...

Виктор Некрасов

В 1968 году Некрасов выступил в поддержку участников демонстрации на Красной площади против вторжения в Чехословакию. За что получил партийное взыскание. В январе 1972 года в его киевской квартире был проведён обыск, во время которого у него забрали заграничные издания книг – "Доктор Живаго" Пастернака, "В круге первом" Солженицына, "Новый класс" М. Джиласа. 21 мая 1973 года на заседании Киевского горкома КПУ он был исключён из КПСС. Потом был еще один обыск, задержания на улице, допросы. Последняя в СССР книга Некрасова – "В жизни и в письмах" вышла в 1971 году. После этого на издание его новых книг был наложен негласный запрет, а затем из библиотек стали изыматься и все ранее вышедшие издания.

20 мая 1974 года Некрасов написал персональное письмо Брежневу, в котором, констатировал: "Я стал негоден. Кому – не знаю. Но терпеть больше оскорблений не могу. Я вынужден решиться на шаг, на который я никогда бы при иных

условиях не решился бы. Я хочу получить разрешение на выезд из страны сроком на два года". И ему дали уехать.

Дмитрий Быков

– Он свой отъезд очень трагически воспринял, потому что там была чужая среда. Но парадоксальным образом он там раскрепостился и написал совершенно замечательную "Маленькую печальную повесть" и "Записки зеваки", прекрасное продолжение своей публицистики, и вообще, он там довольно плодотворно работал. В 1975 году у него случился перитонит. Синявский уже написал "преждевременный некролог". Неожиданно Некрасову стало лучше, во что никто не верил, он прочёл этот некролог и сказал, что ради таких слов стоило помереть. Но тогда, слава Богу, обошлось.

"Некрасов... Светскость, как определяющее, как положительное начало. Все мы монахи в душе, а Некрасов – светский человек. Мы – закрытые, мы – застывшие, мы – засохшие в своих помыслах и комплексах. Некрасов – открыт. Всем дядюшкам и тетушкам, всем клошарам, всем прогулкам по Парижу... Светский человек среди клерикалов. Ему недоставало трубки и трости. И посреди феодальной социалистической литературы – первая светская повесть "В окопах Сталинграда". Странно, что среди наших писателей, от рождения проклятых, удрученных этой выворотной, отвратной церковностью, прохаживался между тем светский человек. Солдат, мушкетер, гуляка, Некрасов. Божья милость, пушкинское дыхание слышались в этом вольном зеваке и веселом богохульнике". Андрей Синявский, не понадобившийся "Некролог".

Виктор Некрасов

Он умер от рака лёгких в 1987 году.

– Образ его жизни был практически несовместим с жизнью: курение табака, женщины в диком количестве, которых он талантливо скрывал, многодневные запои – довольно бурная жизнь. Его потрясающая живучесть отчасти происходила от его безбашенности. Он действительно был человек дикой храбрости, он вспоминает о Сталинграде: дальше начался бой, и я ничего не помню. Тело действовало автоматически. Он действительно обладал какой-то звериной гибкостью и силой, а страха не чувствовал. У

него был заниженный болевой порог: ему унижительно было бояться КГБ, потому что на войне он не боялся... Он умер, кстати, накануне поездки в Киев, которую собирался любой ценой совершить, вернуться, – говорит Быков.

В дни прощания с Некрасовым в Париже его друзья и близкие в Украине, не имевшие возможности быть на похоронах писателя, приносили цветы на могилу его матери Зинаиды Николаевны, которая скончалась в 1970 году.

Могилы бабушки, тети и матери Виктора Некрасова в Киеве

А в памятник Некрасова на парижском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа вмонтирован осколок немецкого снаряда с "Мамаева кургана".

Courtesy Image

Могила Виктора Некрасова

Наверное, самая известная фраза из книги "В окопах Сталинграда" Некрасова звучит так: "К войне нельзя привыкнуть". Прошло восемьдесят лет с тех пор, как эта фраза была написана. И она не устарела.

"Я помню одного убитого бойца. Он лежал на спине, раскинув руки, и к губе его прилип окурок. Маленький, еще дымившийся окурок. И это было страшней всего, что я видел до и после на войне." **Из повести Виктора Некрасова "В окопах Сталинграда"**

Этот контент также в категориях

Культура

Регионы

История.Север